

му, то хотел, чтобы мы высказывались, и мы высказывались по этой проблематике.

Я все время разговариваю и пишу про эти проблемы теории и практики развивающего обучения. Часть из них мы с Василием Васильевичем обсуждали, часть возникла уже после. Проектная деятельность активно развивается, и это мы, безусловно, обсуждали с ним, как и пути ее развития. При переходе к старшим возрастам недостаточно только реализовывать познавательную деятельность. Нужно научить детей осмысливать проблемную ситуацию.

Мы все это с ним обсуждали. Я не ходил к нему консультироваться. Разбирайся, читай, чего консультироваться-то? Приходи с предложениями, идеями. Только тогда это работает. Приходить и спрашивать ответы на вопросы не нужно. Сам ищи ответы на вопросы, а не кланчи, не жди, что он скажет.

4.5. ИНТЕРВЬЮ С К. Н. ПОЛИВАНОВОЙ*

*Катерина Николаевна
ПОЛИВАНОВА*

Доктор психологических наук, профессор.

Директор Центра исследований современного детства Института образования НИУ «Высшая школа экономики».

Профессор кафедры возрастной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета.

Работала в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР с 1974 г., в то время, когда В. В. Давыдов руководил Институтом.

С 1988-го по 1993 г. работала старшим научным сотрудником в Лаборатории психологии младшего школьника, которой руководил В.В. Давыдов.

* Интервьюер – Алексей Гонтаренко, магистрант программы «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании» ФГБОУ ВО «МГППУ».

– *Расскажите, какие этапы Вашей жизни, Вашей профессиональной деятельности или события связаны с именем Василия Васильевича?*

– Самое главное и, наверное, уникальное в моей жизни то, что я была в классе шестилеток, с которого начиналась знаменитая 91-я школа. Тут, действительно, ситуация совершенно необычная, потому что моя мама, Марина Александровна Поливанова, была первой учительницей, которая работала с Василием Васильевичем Давыдовым. В 1958 году они вместе с Даниилом Борисовичем Элькониным решили, по каким причинам, я не знаю, и вряд ли кто-то знает, организовать класс шестилеток в 91-й школе. Вот я как раз туда попала, и по возрасту, и потому, что мама там работала. Это было мое первое знакомство. Я его, естественно, очень хорошо помню, потому что дома долго обсуждали, отдавать меня в школу с 6 лет или не отдавать. Мама о нем много говорила, называла его «Рыжий Вася» и повторяла «Вася – гений». Вот так дома, за вечерним чаем звучали такие слова. Конечно, в 6 лет у меня были другие интересы, но, тем не менее, высказывание «Вася – гений» уже тогда произвело на меня впечатление.

Из первых впечатлений в школе я очень хорошо помню один эпизод. То ли это был открытый урок, то ли еще что-то, какой-то урок был необычный, и то, что там происходило, немножко демонстрировалось на публику. А Василий Васильевич и Даниил Борисович все время сидели на уроках (я посчитала сейчас, Василию Васильевичу было тогда неполных 30 лет). На этом уроке меня вызвали к доске, надо было разделить на слоги слово «слон». И я как-то поняла, что это слово не очень удобное для деления на слоги. Но подумала, что раз попросили, значит, надо разделить. Я его разделила на СЛ-ОН. И увидела искривленное лицо моей мамы-учительницы и этих двоих мэтров, которые ко мне устремились, чтобы успокоить, потому что, видимо, лицо мамы сразу же отразилось в моих круглых глазах. Это еще было такое человеческое отношение к детям, и, в общем, все это было позитивно. Они были всё время, они были свои в этом классе, и была такая семейная обстановка.

Вот это было самое первое впечатление, и, наверное, я бы об этом не очень сильно вспоминала, если бы потом меня жизнь уже во взрослом состоянии снова не свела с Василием Васильевичем. Я пришла в институт, в котором он был директором. Ситуация была непростая. Я ее тогда совершенно не понимала. Думаю, что он был

не самый политичный человек, поэтому у него там было не совсем все шоколадно-гладко. А вот его лаборатория... Галина Цукерман, Борис Эльконин, аспиранты, которые там были... это была такая совершенно «белая кость» в институте. Мы на них смотрели с придыханием, хотя я-то была в лаборатории Даниила Борисовича Эльконина, тем не менее эта давыдовская лаборатория была особенная...

Вот в конце 1982-го, в 1983 году случилась для Василия Васильевича катастрофа. Я не очень хорошо знаю эту историю, знаю, что ему несколько человек из института нужно было уволить по абсолютно политическим причинам. Он отказался это сделать. Я думаю, что на самом деле это был только повод, может быть, он бы еще подумал дольше, если бы это тянулось, короче говоря, его выгнали из партии, а на тот момент это было очень серьезно. И конечно, он перестал быть директором. Он перешел в Институт дошкольного образования, у него там была лаборатория. А через несколько лет вся ситуация поменялась. Это уже было начало перестройки, он вернулся через некоторое время в институт общей и педагогической психологии.

И вот самый конец 1980-х – начало 1990-х, когда он опять появился в лаборатории, стал директором института. Я работала у него, но еще была его помощником, человеком, который решал больше какие-то организационные вопросы.

Вот и весь пунктир событий-встреч с Давыдовым...

Знаете, я думаю, что мы затёрли слова «уникальный», «особенный» и т. д. Но ведь Давыдов, насколько я знаю, был из простой семьи, но он поступил в Московский университет на философский факультет, на психологическое отделение! Он сделал такую взрывную карьеру! После университета он поступил в аспирантуру к Петру Яковлевичу Гальперину, защитился. Но позже, так сказать, «отходил» от идей Петра Яковлевича, скорее, даже преодолел их в философском смысле слова... Ну, действительно, гений, действительно, совершенно уникальная фигура, и то, что Бог привел с таким человеком просто пообщаться, это был подарок судьбы.

– В Ваших работах, посвященных проблеме возраста, возрастным кризисам, присутствует понятие «идеальная форма». Можно сказать, что Василий Васильевич был для Вас «идеальной формой» в Вашем становлении как исследователя? Есть ли в Вас такие черты профессионала, которые Вы связываете с Василием Васильевичем? Какие это черты? Может быть, какие-то ценности, отношение к работе?

– Вы знаете, это было бы теоретически не совсем точно назвать человека, даже в переносном смысле, «идеальной формой». Скорее, опыт общения с ним очень сильно повлиял на мое профессиональное становление. В общем, это была настолько своеобразная фигура, настолько своеобразный человек (раньше было такое слово), что пытаться ему подражать было бы смешно. Вот он – абсолютная индивидуальность, то, что я сегодня редко наблюдаю – научная страстность. Он был страстен в науке, и это, действительно, его «заводило», что называется, у него действительно горели глаза, для него было важно, личностно важно, а не только профессионально важно.

– *Какие высказывания Василия Васильевича, его теоретические идеи, жизненные позиции стали для Вас особенно ценными? В каких обстоятельствах Вашей жизни Вы вспоминали о них?*

– Вот я продолжу о научной страстности. Он о себе говорил: «монист». Да, сейчас вот, через 20 лет, оценивать его философские убеждения... Он был гегельянец, и он не только не отказывался от этого, но это подчеркивал, на этом настаивал, и он был, так сказать, резок даже в защите этой позиции. Она была не идеологическая, а философско-теоретическая – вот это очень важно. Сейчас появилось на просторах Интернета довольно много комментариев по поводу того периода и становления развивающего обучения, о котором писал Сергей Курганов, и мне хочется свое мнение по этому поводу высказать. Мне кажется, у Курганова выпрямлена эта линия, но ведь эти люди делали то, в чем были абсолютно уверены. В этом смысле я немножко завидую им, я бы так сказала, потому что у них действительно была совершенно ясная картина, которой у меня, например, в моем профессиональном поле сегодня нет и вряд ли она возможна у меня сегодня. А там была ясность, было совершенно кристальное понимание того, что они делают. И то, что, например, Давыдов теоретически разошелся с Щедровицким, и то, что Давыдов разошелся с Занковым, насколько я понимаю, это был, действительно, предмет такого несогласия, явного, ясного. Вот мы сегодня гораздо в большей степени примиренцы, ну я и про себя это говорю. А Давыдов был человек такой ... понятной картины мира.

– *Василий Васильевич занимался многим в своей жизни: он был редактором, преподавателем, директором, организатором науки, философом, теоретиком, а также практиком. Вы знали его и как педагога, бывали на его лекциях. Расскажите, пожалуйста, об этой стороне его деятельности, было ли это что-то особенное, когда он об-*

щался со студенческой аудиторией? Каковы были его отличительные черты как преподавателя?

– Если я не ошибаюсь, где-то в конце 1970-х годов он читал курс лекций в областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Это было в Лефортово. Сегодня, оценивая фигуру Давыдова и уровень студентов, которым он читал, это сложно себе представить. Но он честно ездил в это Лефортово, туда трудно было добираться, порядочно нужно было идти от метро. Он читал эти лекции, он был готов всякий раз делиться, эта была стройная система, книга могла быть по этим лекциям. Я не уверена, что они сохранились.

Мы, аспиранты и молодые сотрудники, туда ходили его слушать, даже тогда у меня было ощущение, что вот не «по Сеньке шапка» (я имею в виду студентов), что им это недоступно. Может быть, для него это было важно, чтобы что-то простроить для себя, но вот полемика, которая прорывалась на лекциях, она была не к студентам обращена.

Надо сказать, что когда он просто читал лекции, он читал их довольно скучно. Я бы сказала – такое «бу-бу-бу», но почти на каждой лекции бывал какой-то момент, когда это «бу-бу-бу» превращалось во что-то другое. Он доходил до какой-то точки, важной для него, и вот тогда это было... Это было как в лотерею выиграть, если оказался в этот момент в аудитории, потому что это было что-то такое, ну совершенно необычное. У него возникали в этот момент какие-то новые аргументы, он приводил какие-то примеры, он зажигался и, как правило, уже до конца лекции эта тема, так сказать, «дрожала». И аудиторию, конечно, он заражал в этот момент, даже если люди были плохо подготовлены к восприятию.

Ну, мы тоже были дураки в тот момент, честно говоря, я понимаю, что тогда мы даже близко это не ощущали, не оценивали (сейчас я уже понимаю, что такое развивающее обучение, что это за явление такое, как мне кажется, сейчас понимаю).

Преподаватель он был, конечно, совершенно необычный, это в западных университетах бывает, там есть такие профессора, которые не читают лекции второкурсникам, а ведут свои научные семинары, «тянут» свои линии – вот это для избранных.

Еще он был выдающийся редактор. Я с ним, слава Богу, не сталкивалась, потому что ужасно бы переживала по поводу его нрава. Он сидел, корпел над каждой строчкой и точно так же правил свои тексты. У него был мелкий, достаточно аккуратный почерк, не очень понятный, но очень аккуратный. И редакторские замеча-

ния, дополнения он вписывал слева, справа, туда-сюда. Он все вычищал, добивался кристальной мысли. Для него был важен порядок слов – как это сказано, как это сделано, поэтому, я думаю, его тексты все это сохранили.

– *Каким Василий Васильевич был в повседневном общении с коллегами, друзьями, учениками, как Вам кажется, что он ценил в людях больше всего?*

– В людях он ценил мысль. Наверное, банально звучит, но вообще он был непоследовательным. Он был взрывной, Галину Анатольевну Цукерман, которую очень ценил, несколько раз выгонял с работы, на другой день звонил, извинялся. Я не знаю, как это первый раз происходило, но после второго она уже как-то несильно расстраивалась. Он мог сказать: «Как я не люблю этих психологов», имея в виду именно психологизм, внимание к ребенку, то, что в Галиных работах особенно было видно. Например, эта дискуссия на уроках, она же пришла от Галины Анатольевны, он тогда не очень сильно поддерживал вообще темы организации урока. Он считал, что методика – это ерунда, а главное – содержание, содержание обобщения и т. д. В этом вся его теория, я думаю, мы сейчас не будем подробно об этом говорить. Поэтому все, что касалось ребенка, его интересовало очень мало. Я вообще сейчас думаю, что он занимался не собственно психологией развития и не детской психологией, а он занимался теорией научения, термин не его совершенно, но тем не менее.

Он влюблялся в людей, потом он с ними мог долго, бурно и откровенно ругаться, потом, как в случае с Галиной, – звонить и извиняться.

У меня с ним была история, когда я про подростков пыталась сказать так, как это понимаю. Пока я выступала, он сидел очень сердитый, потом сказал очень нелицеприятные слова, и в следующий раз, когда с ним встретились, я ему сказала:

– Ну что же вы меня так, я так расстроилась!

– Я? Да что ты! Мне все понравилось. Было замечательно.

В этом его искренность, понимаете? Искренность и непосредственность. Я сегодня смотрела его фотографии, которые всем доступны. Это живой человек, абсолютно живой, абсолютно такой, какой он был. Он для меня был полноценный шестидесятник, т. е. человек очень противоречивый внутри себя, может быть, и в смысле отношения к людям, жизни, к политике, в конце концов. Вот была

в нем эта противоречивость, он не был равен самому себе никогда, т. е. по большому счету, равен по своей идее и страсти в смысле каких-то таких отношений. Он зависел от своего настроения. С голодным с ним нельзя было разговаривать, когда он приходил в лабораторию, надо было убедиться, что он не голоден, потому что иначе он мог просто «порвать», что называется. Но какая-то человеческая щедрость у него была. Он, между прочим, одному своему аспиранту просто помог деньгами, я узнала это от того аспиранта. Узнала случайно, была такая ситуация, что человек был на грани возвращения домой из-за финансовой проблемы, и Василий Васильевич просто реально дал ему денег, причем по собственной инициативе. Еще раз возвращаюсь к затертым словам, понимаете, он был человек, которому можно было доверять, мы про многих так говорим, но от Давыдова я совершенно не боялась какой-либо «подставы».

Конечно, он был много лет вице-президентом Академии педагогических наук. Причем был политиком в сфере образования и науки, и, конечно, он как-то выкруливал в этой ситуации, как-то умно себя вел, иначе он бы не удержался на этой должности. Достаточно ему этой истории 83-го года, при этом он был живой человек, в этом смысле – никак не идеальная форма. Спасибо судьбе, что нас свела.

– Как, на Ваш взгляд, отнесся бы Василий Васильевич к современным реформам в школьном и высшем образовании? Что бы он приветствовал в первую очередь, о чем бы больше всего беспокоился и от чего бы предостерегал современных реформаторов?

– Вот это трудный вопрос. Я думаю, что его бы точно заинтересовал компетентностный подход. Потому что у него же были идеи, ну те, кто знает его работы, они поймут, о чем я говорю. Решение «с ходу», например, когда «схвачен» принцип и вот уже есть обобщение. Настолько схвачен, что в реальных задачах я с легкостью его обнаруживаю. И мне кажется, что вот то, что родилось на Западе, что называется компетентностным подходом, может быть довольно легко прочитано в терминах теории теоретического обобщения. Другое дело, что в таких словах это невозможно включить в современный, как говорят теперь, дискурс. Я имею в виду теоретическое обобщение как задача младшего школьного возраста – формирование теоретического мышления. Трудно сегодня было бы это обсуждать. Не потому, что это неправильно, а потому что просто языки разные. С присутствием Василия Васильевича эта компетентностная линия в развитии образования, конечно, была бы гораздо более содержательной и богатой, чем то, как она сегодня выглядит.

Что сказать о реформаторах – здесь сложнее, понимаете? Дело в том, что все-таки он теоретик-исследователь и его не очень сильно интересовал план-заказ как план-заказ, который они в свое время делали. Его интересовало это как возможность реализовать свои научные идеи. Поэтому, с одной стороны, политика от образования, к примеру слияние школ в Москве и т. д., с другой стороны, образовательные программы, и то, что происходит собственно в обучении. Мне кажется, что при его мудрости (вот это слово, о котором не говорили сегодня) он бы порадовался тому, что, например, звуковой анализ оказался во всех практически российских букварях, элементы, связанные с математикой, тоже как-то проникают. Развивающее обучение пошло «в массы» не целиком, а своими фрагментами и идеями, я думаю, что он бы все-таки это приветствовал, хотя, конечно, боролся бы за чистоту. Вероятно, ему не очень просто было бы жить в сегодняшнем реформируемом образовательном мире, но, честно говоря, ему всегда было непросто в этой жизни.

– Если бы в Вашей жизни не случилось встречи с Василием Васильевичем, чего Вам не хватало бы сейчас в себе?

– Вы знаете, при всей его, я уже говорила, страстности, непосредственности и искренности все-таки он по отношению, например, к молодым людям, к аспирантам своим был толерантен, как теперь говорят, и закрывал глаза на то, что ему не интересно и не очень нравилось. К примеру, слабая работа, ну она же имеет право на существование. Он был мудрее, чем его позиция, скажем, руководителя. Он доделывал что-то, он очень долго возился с ними. Это пример, когда я себя ловлю на мысли, что я не всегда бываю толерантной к людям, которые у меня занимают, «наезжаю» на них. Василий Васильевич тоже «наезжал», вот что от него я почерпнула. Ну, беднее я была бы, такие фигуры, как Эльконин, Давыдов – это же «Бог привел», как говорится!

– Если бы у Вас сейчас была возможность обсуждать современное состояние развития теории учебной деятельности, то по какой проблеме Вы хотели бы с ним проконсультроваться? На какой вопрос хотели бы получить ответ?

– Это для меня важный вопрос, важный был бы диалог о единообразии нормы. Единообразие – это выготскианское видение, и в этом смысле норма, пусть и идеальная, все-таки норма. В какой-то мере мне представляется, что, говоря о норме, мы имеем в виду какую-то единственную траекторию развития, которую мы и полагаем правильной. Сегодня на эту ситуацию я смотрю по-другому, а

Давыдов, как мне кажется, именно как гегельянец, выгнал бы меня, но мне была бы интересна его аргументация, и я не вижу человека, с которым могла бы сегодня обсуждать эту проблематику, человека с очень высокой планкой. Понятно, что его мнение для меня было заведомо ценно. Эта тема разнообразия или универсальности нормы, наверное, для меня бы была самой интересной.

– Хотели бы Вы что-то еще сказать о Василии Васильевиче?

– Я только хотела поблагодарить организаторов этой конференции. В последние несколько дней все время вспоминаю, смотрю что-то в Интернете, какие-то сведения о Давыдове, и, честно говоря, я от этого получила огромное удовольствие. Поэтому спасибо, в первую очередь, Татьяне Юрьевне Андрущенко, моей давней-давней подруге и коллеге, ну и всем, кто участвует в этой конференции.

4.6. ВОСПОМИНАНИЯ В. Т. КУДРЯВЦЕВА

Владимир Товиевич КУДРЯВЦЕВ

Доктор психологических наук, профессор.

Заведующий кафедрой теории и истории психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета.

Профессор Московского государственного психолого-педагогического университета.

Советник директора Федерального института развития образования.

Совместно с В.В. Давыдовым на базе школы-лаборатории «Лосиный остров» № 368 г. Москвы руководил многоступенчатой системой образования – с дошкольного уровня до старших классов.

Научный руководитель сети экспериментальных площадок по разработке вариативных моделей развивающего дошкольного образования.